

ральная плата в пять раз превышала денежную. Отсюда зажиточность населения ткацких слобод, в том числе и Кадашевской.¹

Поп Савва — образец тех попов, у которых, как жалуется архиепископ Мисаил, «церкви стоят без всякого пения»: он тоже «в церковь ни ногою», и когда «люди в церкви богу молятся, он по приказам волочится». Не довольствуясь тем доходом, который давали ему его «богатые мужики», он «по площади рыщет, да ставленников ищет», «как бы ему их обмануть и к себе за реку стянуть», а заполучивши их, «по тех мест держит, покамест все деньги издержут». Это и есть точное изображение того положения, которое создалось в Москве после того, как по приказу патриарха Иосифа, все ставленники из обширной патриаршей области потянулись в Москву ставиться. Обучение будущих священнослужителей поп Савва начинает обещанием: «у меня хотя де за рекою стойте, а в церкви не пойте». Вместо того, чтобы привыкать к церковному делу, ставленники поливают у попа капусту в огороде, топят ему баню, пока он спит, а главное — платят ему и деньгами и натурой — вином и медом. В итоге, как «предвозвестила» Савве его попадья, он «над ставленниками наругался, так и сам в суд попался». Очевидно, даже в привычной атмосфере всяческих злоупотреблений над ставленниками бывали случаи, когда начальство считало себя вынужденным прибегнуть к карательным мерам.

Что же это за суд, куда «приставы» тащут попа Савву? Во второй части повести — «сне попа Саввы» — и в заключительном «смешном икосо» ему мы находим точные указания, что он попал именно в то патриаршее училище, которое, по словам Павла Алеппского, было устроено для провинившейся духовной братии. Во сне Савва увидел себя «в патриаршей хлебне на рогожине», а икос, подражая стилю акафиста, восклицает: «Радуйся, патриарша хлебня, видя тебя такова сидня. Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея». Очевидно, поп Савва исправлялся по рецепту патриарха Никона: закованный в цепи, он просеивал муку для патриаршей пекарни.

Как видим, повесть о попе Савве в полном смысле слова бытовой документ: начиная с точного и исторически верного описания прихода, она правдиво изображает приемы обучения ставленников и кончает опять-таки исторически правильной картиной наказания не в меру разгулявшегося попа. Все изображенные в повести факты не выходят из рамок второй

¹ К. Базилиевич. Кадашевцы, дворповые ткачи полотен в XVII в. Труд в России, 1924, т. 2, стр. 3—7; Акад. С. Г. Струмилин. Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в., Л., 1932, стр. XXII и сл.